

Методологические и теоретические проблемы психологии

© 1997 г. А.А. Митькин

НА ПУТИ К СИСТЕМНОЙ ПСИХОЛОГИИ РАЗВИТИЯ*

Обсуждаются проблемы исторически сложившегося взаимодействия между системным подходом в психологии и принципом развития. Намечаются возможности системной интеграции различных концептуальных позиций в современной психологии развития. Наиболее важными факторами, признание которых может способствовать такому объединению на базе системного подхода, являются, по мнению автора, следующие: гетерохронность в развитии элементов системы и, соответственно, разных сторон психики; динамичность связей и форм взаимодействия между элементами системы; динамика взаимодействия между психическими функциями на разных стадиях и уровнях развития; диалектическое соотношение факторов обновления и сохранения в процессе развития; антропологический подход к проблеме взаимодействия биологического и социального в психическом развитии человека; принцип многомерности человека в системе связей "индивид-социум".

Ключевые слова: психология развития, системный подход, теории развития, антропология, человек и общество.

В концептуальной позиции Б.Ф. Ломова системная организация психики неразрывно связана с процессами ее развития. Обращаясь к современным проблемам общей теории психологии, Ломов пишет: "Представляется, что наиболее надежной стратегией изучения психики является подход, позволяющий изучать ее как систему единую и целостную, но вместе с тем и структурированную. При этом психическое должно рассматриваться в процессе его развития, т.е. предметом психологического исследования становится системогенез психики" [22, с. 76].

Теоретические взгляды Ломова отражают и интегрируют сложившуюся в последние десятилетия традицию к сближению категорий развития и системности [4, с. 5]. В фундаментальном положении о психическом (как процессе [30]) динамизм психики представлен в качестве ее главного имманентного свойства. В то же время само понятие системы по определению включает в себя показатели развития. Т.е. любой системный объект должен обладать способностью к развитию, а процесс развития предполагает наличие сложной системной организации.

Современные представления о психике как развивающейся системе коррелируют с развитием системного подхода в биологии и нейрофизиологии. Так, принцип системогенеза стал одним из основных компонентов теории функциональной системы П.К. Анохина [3].

* Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ (код проекта № 96-03-04200).

Формирование психологических концепций в XX веке теснейшим образом переплетается с многочисленными попытками создания общих и частных теорий развития психики как в онтогенезе, так и в филогенезе. При ближайшем рассмотрении оказывается, что любая психологическая концепция в той или иной мере соприкасается с проблемой развития, а пестрота психологических теорий очень хорошо коррелирует с широкой вариативностью трактовок психогенеза.

Приходится признать, что представление о психологии как единой науке в значительной степени иллюзорно. Большинство исследователей сходятся сегодня на том, что существует много разных психологий в зависимости от конкретной области исследования. При этом решающее значение имеет форма постулирования понятия о природе и сущности психического и вытекающий отсюда выбор адекватного метода исследования.

Понятно, что при такой "разноликости" психологической науки становится неизбежным многообразие концептуальных подходов к проблемам психического развития. В конечном счете генетические интерпретации разных авторов и обсуждаемые ими закономерности напрямую зависят от выбранного ими аспекта рассмотрения проблемы, связанного с ответом на вопрос: *что, когда и как развивается?*

Сегодня мы наблюдаем крайне пеструю картину в отношении концептуальных подходов к психологии развития. Достаточно сослаться хотя бы на то, что в последнем (третьем) издании книги У. Крэйна [40] рассмотрены 16(!) теорий психического развития (не считая ранних концепций Дж. Локка и Ж. Руссо).

Вот перечень этих концепций в выбранной автором последовательности:

- теория созревания А. Гезелла [45],
- этологическая теория в ее нескольких вариантах: К. Лоренц [50], Н. Тинберген [58], Дж. Боулби [37],
- психолого-педагогическая теория М. Монтессори [52],
- организационная теория Г. Вернера [60],
- теория когнитивного развития Ж. Пиаже [53, 54],
- теория морального развития Л. Колберга [49],
- условно-рефлекторная теория (И. Павлов [26], Дж. Уотсон [59], Б. Скиннер [56]),
- теория социального обучения А. Бандуры [35],
- культурно-историческая теория Л. Выготского [13],
- психоаналитическая теория З. Фрейда [43],
- стадийная теория Э. Эриксона [41],
- теория аутизма Б. Беттельгейма [36],
- теория развития детского опыта Э. Шехтеля [55],
- теория подросткового периода К. Юнга [46],
- теория лингвистического развития Н. Хомского [38, 39],
- теория развития в гуманистической психологии [51].

К этому перечню следует, видимо, с достаточным основанием добавить:

- деятельностный подход к развитию [16, 20, 30],
- теорию поэтапного формирования умственных действий [14],
- теорию системогенеза [32].

А из зарубежных концепций, не рассмотренных автором:

- экологическую теорию Дж. Гибсона [15],
- теорию динамических систем [44].

Этот перечень можно было бы расширить, но и в таком своем виде он уже включает 21 теорию! Разумеется, обилие и многообразие теорий, касающихся одной общей проблемы, говорит скорее о слабости, чем о силе каждой из них. Если считать, что все названные теории претендуют на познание истины, то на любую из них приходится лишь малая ее доля! Однако вполне допустим и более оптимистический взгляд на эту картину: можно предположить, что сторонники разных теорий не просто "делят" некую общую истину, а, учитывая несомненную сложность и многогранность проблемы, заведомо подходят к ней с разных сторон. Действительно,

многие из перечисленных концепций имеют явно выраженный "локальный" характер и не претендуют на всеобщность. Например, автор затрагивает лишь одну ограниченную сферу психических явлений: развитие речи, формирование моральных установок, или анализирует только один возрастной период (детство, подростковый возраст). В то же время следует отметить, что даже авторы частных концепций склонны расширительно трактовать ту конкретную фактологию, на которую они опираются. Однако эти попытки ни в коей мере не приближают нас к созданию единой интегрированной концепции психического развития, а вопрос о принципиальной возможности и целесообразности такой интеграции остается, видимо, открытым.

Широта и многообразие теоретических подходов к обсуждаемой проблеме (каждый из которых достаточно обоснован) красноречиво говорят о возросшем интересе к психологии развития, выдвигающем ее на одно из ведущих мест среди других направлений психологической науки.

Наиболее полное современное руководство по психологии развития [47] исходит из плюралистических установок в отношении теории, подчеркивая лишь общую цель, на которую должна быть направлена любая теория. Эта цель состоит в том, чтобы проводить анализ изменений психических функций, процессов и состояний во времени, ориентируясь при этом на проявление данных изменений в конкретных формах поведения. В ходе такого анализа решаются три глобальные задачи:

1. Описываются изменения, происходящие в режимах одной или нескольких форм поведения.

2. Описывается взаимодействие разных форм поведения в их динамике, т.е. как изменения в одной сфере влияют на изменения в другой.

3. Объясняется общая направленность описываемых изменений.

Как явствует из приведенного текста, столь общая дефиниция допускает практически неограниченное пополнение и без того широкого списка уже предложенных теорий. Возвращаясь к этому списку, естественно задаться вопросом: а нельзя ли как-то классифицировать содержащиеся в нем теории? По-видимому, это достаточно сложная задача, поскольку в таком случае мы столкнемся с разными основаниями для деления: возрастной периодизации и выделяемого возрастного этапа; анализируемой психической функции (или стороны психики); концептуального подхода к природе психического. К тому же при ближайшем рассмотрении разных авторских позиций легко установить, что в большинстве теорий указанные основания тесно переплетаются.

К этому надо добавить, что границы психологии развития довольно размыты. Например, в указанном выше стандартном зарубежном руководстве [47] последовательно анализируется онтогенез человека, начиная с пренатального периода и кончая юношеством. В то же время на Первой всероссийской конференции по психологии (Москва, 1996) психология развития была представлена более широко, включив в себя (наряду с ранним онтогенезом) эволюционную психологию (т.е. зоопсихологию в старой терминологии), психологическую антропологию и некоторые проблемы обучения.

При слишком настойчивом стремлении провести хоть какую-нибудь классификацию теорий развития психики она крайне условно может быть представлена (по третьему из приведенных оснований деления) следующим образом: биологизаторские теории (более ранние концепции в зарубежной психологии); социологизаторские теории (советский период в отечественной психологии); теории, пытающиеся исходить из принципа биосоциального единства человека (современные тенденции в мировой психологии).

В задаче настоящей статьи не входит анализ и сравнительная оценка отдельных теорий развития. Автор предпринимает попытку очертить основные тенденции и возможный путь дальнейшего поступательного движения этого раздела психологической науки, накопившего сегодня немалый эмпирический материал в сочетании с пышным многоцветием самых разнообразных концепций.

Автор солидаризируется с уже высказанной точкой зрения, согласно которой системный подход и принцип развития образуют единое концептуальное целое [4], что, по-видимому, не может не влиять на исторически и логически складывающуюся направленность дальнейших эмпирических и теоретических изысканий в сфере психологии развития. Какие же аргументы могут быть приведены в пользу данной точки зрения?

Прежде всего следует, видимо, еще раз повторить и постулировать исходное положение о том, что развитие – неотъемлемая имплицитная форма существования любой системы. Означает ли это допустимость логической инверсии с утверждением, что всякое развитие имеет системный характер? В приведенных ниже фрагментах сделана попытка показать и подтвердить наличие такой двусторонней связи.

1. Любая система образована разнородными элементами, обладающими разными свойствами [9], но связанными в единое целое. С этими исходными (по определению) качествами системы коррелируют базовые характеристики любого процесса развития, в том числе – психического. В силу этого отдельные стороны (функции) психики развиваются *гетерохронно* при сохранении ее целостности на всех этапах [2].

2. Связи между элементами системы *динамичны*, т.е. изменяются во времени. Такая же системная закономерность обнаруживается при разных аспектах рассмотрения процесса психического развития, например, при анализе динамики *интерсенсорного взаимодействия* в раннем онтогенезе [23, 24].

3. Интегральные характеристики системы в большей мере зависят от особенностей взаимодействия ее элементов, чем от их отдельных свойств. Отсюда вытекает очень важное, на наш взгляд, требование к системному анализу развития психики: больший акцент на специфику взаимодействия функций, а не на их сепаратное развитие. В перечисленных выше концепциях этой проблеме уделено явно недостаточное внимание. (Отрадно отметить, что в нашем Институте сделаны одни из первых шагов на пути конкретного исследования корреляций между интеллектуальными действиями и личностными особенностями [28].)

4. Системы различаются по своей сложности и соответственно – по ступени структурированности, которая выражается в членении системы на несколько *уровней* разного порядка, объединенных *иерархическими связями* [21].

Проблему *уровневой организации психики* и вопрос о динамике взаимодействия уровней по мере развития психики следует отнести к разряду наиболее дискуссионных и, несомненно, требующих дальнейшего обсуждения. К настоящему времени накопилось достаточно фактов и концептуальных построений, подкрепляющих как положительное, так и критическое отношение к *уровневой схеме*. Например, в *нейрофизиологической фактологии* (и соответствующих теориях) достаточно убедительно показана эволюционная последовательность развития разных уровней управления движениями и другими функциями организма [8]. Очевидно, что увеличение числа уровней нельзя рассматривать как появление неких добавочных "этажей" (или фрагментов), надстраиваемых над уже готовой частью "здания". Очень показательны в этом отношении данные из той же сферы науки, свидетельствующие о том, что вертикальная архитектура коры больших полушарий воспроизводит с большой степенью сходства *послойную организацию четверохолмия* [57]. Здесь мы получаем еще одно подтверждение бережливого отношения природы к своим находкам: удачные решения, полученные на разных (даже самых ранних) этапах эволюции, не "отбрасываются" при дальнейшем развитии, а сохраняются в модифицированном и усовершенствованном виде.

Таким образом, принцип *уровневости* (даже в организменном контексте) не исключает, а скорее предполагает одновременное признание целостной системной организации всех уровней (т.е. наличие своего рода "общего плана строения" для всех уровней).

В контексте психологии развития проблема *уровневого строения психики* и связей между уровнями представлена в виде принципа *стадиальности развития*. В разных

теориях этот принцип акцентирован в различной степени, а в некоторых (как, например, в генетической концепции Пиаже) поставлен во главу угла. Такое акцентирование вполне естественно, поскольку данный принцип относится к одной из универсальных закономерностей любого развития [25, 33, 41, 53]. Кроме того, переход от одной стадии к другой сопряжен с возникновением новой (или, как минимум, обновленной) организации соответствующих уровней и определенной динамикой в рамках всей системы.

Проблеме стадийности психического развития было уделено должное внимание в ходе работы методологического семинара, организованного Л.И. Анцыферовой еще на начальном этапе становления нашего Института и посвященного проблемам развития психики. Длившийся несколько лет семинар и опубликованная работа [29] по праву являются первым шагом на пути формирования системной концепции психического развития. Уже тогда Я.А. Пономарев представил интегральное системное понятие интеллекта, определившее его как "аппарат специфической для живых систем ориентации во времени и пространстве" [27, с. 64], а в качестве адекватного инструмента для исследования интеллекта был предложен "системно-структурный подход, построенный на принципе трансформации этапов развития явления в структурные уровни его организации и функциональные ступени дальнейших развивающих взаимодействий" [там же].

В рамках того же семинара А.В. Брушлинский выдвинул аргументированные возражения против финалистских взглядов на процесс развития, характерных для концепций Пиаже [53] и Вернера [60], и показал, что развитие столь сложной системы, как психика человека, не может быть ограничено каким-либо "конечным состоянием" [11].

Ограниченность концептуальной схемы Пиаже, построенной по принципу жесткого разграничения стадий развития образного и абстрактно-логического интеллекта выявил А.В. Запорожец [17], который показал на экспериментальном материале, что зачатки логического мышления складываются уже на наглядно-образном уровне его развития. Такие результаты авторской позиции коррелируют с общим философским принципом, согласно которому при переходе с одного этапа развития на другой достижения предыдущего этапа сохраняются на последующем в "снятом" (по терминологии Гегеля) виде.

Надо отметить, что членение процесса развития психики на стадии, этапы, фазы, ступени и т.п. очень типично для подавляющего большинства зарубежных и отечественных концептуальных схем. Сама по себе такая процедура членения не представляет большой сложности и открывает каждому автору широкие возможности собственного творчества. Следует, однако, учитывать, что при чрезмерном увлечении последовательным дроблением уже выделенных этапов и стадий неизбежно возникает вопрос об объективности выбранных для этого критериев и степени условности границ между элементами всей конструкции.

По-видимому, с позиций системного подхода важнее не констатация стадийности развития как таковой, а выявление очень сложной и динамичной картины взаимосвязей между стадиями и уровнями, дающей представление о том, как факторы обновления сочетаются с преемственностью и какие интегральные адаптивные качества всей системы в целом при этом возникают [2, 7, 30, 32].

Касаясь проблемы стадийности развития, нельзя не отметить глубокий анализ данной проблемы, проведенный С.Л. Рубинштейном, который подчеркивает несостоятельность как унитарной, так и стадийной концепции. В первом случае теряется качественное различие между отдельными этапами, а развитие в целом понимается как монотонный процесс. Во втором – (наиболее ярко представленном у Пиаже) различия между ступенями «превращаются во внешние противоположности, лишены внутреннего единства: нужно выйти из одной стадии или "структуры" для того, чтобы войти во внешнюю ей другую. Каждая стадия понимается только как противоположность последующей, а не одновременно и подготовительная к ней ступень...

При этом стадии развития превращаются в формальные структуры, зависящие только от возраста...» [30, с. 188].

И далее Рубинштейн пишет: «Вразрез с вышеуказанными точками зрения, в действительности психическое развитие человека с раннего возраста до зрелых лет протекает как единый процесс, внутри которого выделяются качественно различные ступени...» [там же].

5. Проблема взаимодействия *биологического и социального* занимает одно из ключевых мест в теориях психического развития индивида [10]. Как уже указывалось выше, именно по этому принципу возможна наиболее общая и примитивная группировка всех теорий. Взгляды разных авторов по данному вопросу колеблются в очень широком диапазоне: от признания неоспоримого примата биологических факторов на протяжении всего онтогенеза человека (при чисто внешнем их подавлении социумом) до полного отрицания биологической принадлежности человека. К компромиссным позициям можно, например, отнести концепцию Эриксона [41], утверждающего возможность успешной социальной адаптации индивида (при наличии исходной биологической основы его развития), и концепцию Бандуры [35], ставящего во главу угла процесс социального научения индивида.

В гуманистической психологии была предпринята попытка вообще уйти от данной проблемы путем признания психики индивида некой "высшей сущностью", в равной мере независимой как от телесной организации человека, так и от системы общественных отношений [51].

В системной концепции Ломова [22] вопросу соотношения биологического и социального на разных этапах онтогенеза уделено достаточно большое внимание. Критически оценивая биологизаторские и социологизаторские тенденции в подходе к развитию психики, он опирается на монистическое понимание человека в соответствии с тем эволюционным фактом, что становление вида *homo sapiens* было неразрывно связано с общественным способом его существования [22, с. 345]. При этом автор подчеркивает многогранность проблемы "биологическое и социальное", за которой стоят такие аспекты жизни человека, как связь природы и общества, общества и индивида, человека и биосферы.

Таким образом, данная проблема в ее современном системном звучании выходит за рамки стандартного противостояния биологических инстинктов и социальных норм, перерастая в вопрос о специфической двойственной роли человека, который одновременно является и частью природы, и ее преобразующим звеном.

Продолжая системный анализ психического как процесса и преломляя проблему "биосоциального" через призму психологии субъекта, Брушлинский пишет: "...субъект, осуществляющий психическое как процесс – это всегда и во всем неразрывное живое единство природного и социального... в психике человека нет ничего, что было бы только природным, но не социальным, или только социальным, но не природным; вопреки широко распространенной точке зрения, даже на высших этапах духовного развития личности психическое не перестает быть природным и не становится "чисто" социальным. Оно сохраняет в себе их органическое единство, поскольку эти высшие уровни природного возникают и эволюционируют лишь в ходе антропогенеза..." [12, с. 34].

Антропологический подход к объяснению сущности человека и особенностей его психической организации становится в последние годы одним из ведущих направлений в развитии научной мысли [31]. В зарубежных дискуссиях все чаще высказывается сомнение в правомерности попыток представить развитие человека как процесс соединения его биологических и социальных корней и отдается предпочтение унитарной антропологической концепции. Одновременно делается предостережение от различных форм социального редукционизма, поскольку последний всегда замешан на определенных идеологических и политических мотивах [48].

С антропологических позиций "культурный детерминизм" оценивается как форма бихевиоризма, в рамках которой стандартное понятие "обуславливание" всего лишь

заменяется понятием "окультуривания", способного однозначно действовать на индивида безотносительно к функциям его мозга и сознанию [42, с. 331].

Представление об органическом единстве природы человека, обусловленном всем процессом эволюции, не снимает вопроса о наличии определенных противоречий, сопутствующих индивидуальному развитию. Однако такие противоречия далеко выходят за сравнительно узкие рамки биосоциальных коллизий и охватывают все аспекты специфической человеческой жизнедеятельности, взаимосвязанные сложными системными отношениями. Поэтому при анализе жизненного пути человека, который изобилует неизбежными колебаниями между гармонией и конфликтом (что отмечается в большинстве теорий развития), следует, по-видимому, исходить из динамики всей потребностно-мотивационной сферы и возрастных особенностей формирования личности [1, 5, 6].

6. Развитие индивида протекает в определенной социальной среде и неразрывно связано с ее особенностями. Если в соответствии с древним принципом "человек есть мера всех вещей" принять отдельного человека за исходную "базовую" систему, то общество должно рассматриваться как некая метасистема по отношению к индивиду. В рамках такой логики мы вступаем в сложнейшую сферу межсистемных отношений, сохраняя за собой определенное право выбирать между признанием примата общества над индивидом или индивида над обществом. Можно, конечно, согласиться с тезисом о гармонии личного и общественного, но тогда область "движущих сил" в развитии социума окажется сильно обедненной.

В соответствии с теорией динамических систем [44] и другими теориями развития [18] процесс осцилляции рассматривается как одна из обязательных закономерностей развития любой системы. Можно предположить, что наблюдаемые на разных этапах истории колебания в оценке значимости "субъективного фактора" и в соответствующих идеологических и социальных установках в конечном счете способствуют эволюции вида *homo sapiens*. При этом акцент на примат личности закономерно делается в моменты исторических кризисов социума, когда роль индивидуального творческого поиска новых путей развития общества становится особенно важной.

Проблема формирования индивидуального сознания, развивающегося в неразрывной связи с сознанием общественным, рассматривалась Ломовым как одна из центральных задач системного анализа психики. «Будучи общественным по своей сути феноменом, – пишет он, – сознание существует не над индивидами, и не между ними, и не помимо них, а в их головах. Общественные идеи, взгляды, настроения и т.п. – это не нечто " витающее " над людьми, а формирующиеся в процессе развития общества идеи, взгляды, настроения конкретных людей, живущих и действующих в конкретных исторических условиях» [22, с. 179].

По-видимому, сегодня мы испытываем острый дефицит в исследованиях, позволяющих выявить конкретные связи между динамикой общественного сознания и разных его форм, с одной стороны, и особенностями развития индивидуального сознания, с другой. Приходится учитывать размытость и абстрактность самого понятия "общественное сознание", которое якобы способно непосредственно воздействовать на сознание индивида, минуя многочисленные социальные звенья, в которые включен каждый конкретный индивид. Реально мы имеем дело с очень сложной и лабильной организацией горизонтальных и вертикальных связей, т.е. с динамической системой, определяющей (с достаточно широкой вариативностью) характер взаимодействия индивидуального и общественного сознания на данном этапе развития общества.

Так называемая культурно-историческая концепция психики, ограничивающая связи индивидуального и общественного сознания знаковым опосредованием, позволяет, по сути дела, уйти от более широкого и конкретного обсуждения специфики этих связей. Недавно в "Психологическом журнале" опубликована актуальная и своевременная статья [19], показывающая декларативный характер и фактическую бессодержательность названной концепции, проявляющуюся при попытках объяснить

особенности индивидуальной психологии спецификой исторической эпохи. Приходится лишь сожалеть, что такая реалистическая оценка пока еще тонет в нескончаемом потоке апологетических повторов, в которых с удивляющим упорством воспроизводится тезис о непререкаемых достоинствах данной концепции и ее неизменной ведущей роли в современной психологической науке.

Ограниченность культурно-исторической концепции в подходе к трактовке онтогенеза сознания проявляется также в том, что она рассматривает лишь одно направление развития – от общественного к индивидуальному. При этом совершенно игнорируется другое направление движения – от индивидуального к общественному [12, с. 55]. С такой постановкой вопроса коррелирует широко используемое понятие "зоны ближайшего развития", согласно которому развитие ребенка в процессе обучения детерминируется постановкой задач со стороны взрослых при явно недостаточном учете самостоятельности и самобытности ребенка как субъекта психического развития [12, с. 57]. Между тем, оставляя без внимания то обстоятельство, что развитие индивида осуществляется под влиянием двух противоположных тенденций – стремления к подражанию окружающим и самостоятельности и выделению из среды, – просто невозможно объяснить поступательный ход истории при смене поколений.

Одним из важнейших факторов, определяющих системный (и, соответственно, динамичный) характер взаимодействия по линии "индивид – социум", является *многомерность человека*, который одновременно выступает и как субъект (носитель активного начала и "распорядитель" собственных действий), и как личность (представитель общества, отражающий в своем сознании его специфику), и как индивидуальность (носитель уникальных, самобытных и неповторимых черт) [31]. Степень гармоничности в сочетании этих разных измерений может служить интересным показателем при анализе индивидуального сознания и особенностей развития социума.

Следует, наконец, указать еще на два существенных момента, оказывающих несомненное влияние на взаимосвязанный процесс развития индивидуального и коллективного сознания.

Во-первых, на него накладываются определенный отпечаток очень сложные и по-своему тоже системные механизмы индивидуальной и коллективной рефлексии, играя в одних случаях корректирующую роль, а в других – ускоряя динамику в желательном (объективно полезном) или нежелательном (объективно вредном) направлении (по принципу положительной обратной связи).

Во-вторых, нельзя, видимо, не учитывать взаимодействия разных уровней сознания индивида с разными уровнями массового менталитета, включая его глубинный слой ("коллективное бессознательное" по терминологии К. Юнга) [34].

К этому надо добавить, что роль последнего фактора существенно повышается в тех условиях, когда резко изменяется или утрачивается вообще главный вектор социодинамики, отражаемый в коллективном самосознании.

Подводя итог, можно с достаточной уверенностью предположить, что обретение психологией развития своей "системной ипостаси" позволит успешно (а, главное, с новых современных позиций) продвинуться в решении целого комплекса проблем, в которых сложнейшим образом переплетается динамика индивидуального и социального развития.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Абульханова-Славская К.А. Стратегия жизни. М.: Мысль. 1991.
2. Ананьев Б.Г. О проблемах современного человекознания. М.: Наука. 1977.
3. Анохин П.К. Системные механизмы высшей нервной деятельности. М.: Наука. 1979.
4. Анцыферова Л.И. Методологические проблемы психологии развития / Принцип развития в психологии. М.: Наука. 1978. С. 3–20.
5. Асеев В.Г. О диалектике детерминации психического развития / Принцип развития в психологии. М.: Наука. 1978. С. 21–37.

6. Асеев В.Г. Личность и значимость побуждений. М.: Институт психологии РАН, 1993.
7. Барабанищikov В.А. Динамика зрительного восприятия. М.: Наука. 1990.
8. Бернштейн Н.А. О построении движений. М.: Медгиз. 1947.
9. Блауберг И.В., Юдин Э.Г. Становление и сущность системного подхода. М.: Наука. 1973.
10. Брушлинский А.В. О природных предпосылках психического развития человека. М.: Знание. 1977.
11. Брушлинский А.В. Проблема развития в психологии мышления / Принцип развития в психологии. М.: Наука. 1978.
12. Брушлинский А.В. Проблемы психологии субъекта. М.: Институт психологии РАН. 1994.
13. Выготский Л.С. Собрание сочинений в 6-ти томах. Т. 2. М.: Педагогика. 1982.
14. Гальперин П.Я. Психология мышления и учение о поэтапном формировании умственных действий / Исследование мышления в советской психологии. М.: Наука. 1966. С. 236–277.
15. Гибсон Дж. Экологический подход к зрительному восприятию. М.: Прогресс. 1988.
16. Запорожец А.В. Развитие восприятия и деятельность // Вopr. психологии. 1967. № 1. С. 11–17.
17. Запорожец А.В. Значение ранних периодов детства для формирования детской личности / Принцип развития в психологии. М.: Наука. 1978. С. 243–267.
18. Корсунцев И.Г. Философия развития. М.: ИПК госслужбы. 1995.
19. Кудрявцев В.Т. Историзм в психологии развития: от принципа к проблеме // Психол. журнал. 1996. № 1. С. 5–18.
20. Леонтьев А.Н. Проблемы развития психики. 4-е изд. М.: Изд-во МГУ. 1981.
21. Ломов Б.Ф. Об исследовании законов психики // Психол. журнал. 1982. № 1. С. 18–30.
22. Ломов Б.Ф. Методологические и теоретические проблемы психологии. М.: Наука. 1984.
23. Митькин А.А. Системная организация зрительных функций. М.: Наука. 1988.
24. Митькин А.А. Интерсенсорное взаимодействие у младенцев: теоретический и эмпирический подходы // Психол. журнал. 1995. № 6. С. 72–82.
25. Обухова Л.Ф. Детская психология: теории, факты, проблемы. 2-ое изд. М.: Тривола, 1995.
26. Павлов И.П. Полное собрание трудов. М.-Л.: Изд-во АН СССР. 1951. Т. III. Кн. 1.
27. Пономарев Я.А. Развитие психологической организации интеллектуальной деятельности / Принцип развития в психологии. М.: Наука. 1978. С. 63–80.
28. Пономарев Я.А., Пастернак Н.А. Влияние способности действовать "в уме" на данные психологического тестирования // Психол. журнал. 1995. № 6. С. 43–54.
29. Принцип развития в психологии / Под ред. Л.И. Анцыферовой. М.: Наука. 1978.
30. Рубинштейн С.Л. Основы общей психологии. В 2-х томах. М.: Педагогика. 1989.
31. Слободчиков В.И., Исаев Е.И. Психология человека. Введение в психологию субъективности. М.: Школа-Пресс. 1995.
32. Системогенез / Под ред. К.В. Судакова. М.: Медицина. 1980.
33. Эльконин Б.Д. Введение в психологию развития. М.: Тривола. 1994.
34. Юнг К. Структура психики и процесс индивидуации. М.: Наука. 1996.
35. Bandura A. Social learning through imitation // Nebraska symposium on motivation. Lincoln: Univ. Nebraska Press. 1962.
36. Bettelheim B. The empty fortress: Infantile autism and the birth of the Self. N.Y.: Free Press. 1967.
37. Bowlby J. Child care and the growth of love. Baltimore: Penguin Press. 1953.
38. Chomsky N. Aspects of the theory of syntax. Cambridge: MIT Press. 1965.
39. Chomsky N. Language and mind. N.Y.: Harcourt Brace Jovanovich, 1972.
40. Crain W. Theories of development. 3d ed. New Jersey: Prentice Hall. 1992.
41. Erikson E.H. Childhood and society. N.Y.: W. Norton and Co. 1963.
42. Fox R. State of the art / science in anthropology // The flight from science and reason. N.Y.: Ann N.Y. Acad. Sci. 1996. V. 775. P. 327–345.
43. Freud S. A general introduction to psychoanalysis. N.Y.: Washington Square Press. 1965.
44. Greet P. van. Dynamic systems of development. N.Y. etc.: Harvester Wheatsheaf. 1994.
45. Gesell A. The ambryology of behavior. N.Y.: Harper and Row, 1946.
46. Jung C.G. Modern man in search of a soul. N.Y.: Harvest Book. 1933.
47. Kail R., Wicks-Nelson R. Developmental psychology. 5th ed. New Jersey: Prentice Hall. 1993.
48. Kenshur O. The allure of the hybrid: Bruno Latour and the search for a new grand theory // The flight from science and reason. N.Y.: Ann. N.Y. Acad. Sci. 1996. V. 775. P. 288–298.

49. *Kohlberg L.* Development of moral character and moral ideology // Review of child development research. N.Y.: Russel Sage Foundation. V. 1.
50. *Lorenz K.* Evolution and modification of behavior. Chicago: Univ. Press. 1965.
51. *Maslow A.* Motivation and personality. N.Y.: Harper and Row. 1954.
52. *Montessori M.* The secret of childhood. N.Y.: Battaline Books. 1936.
53. *Piaget J.* The construction of reality in the child. N.Y.: Ballantine Books. 1954.
54. *Piaget J.* The origins of intelligence in children . N.Y.: International Univ. Press. 1974.
55. *Schachtel E.G.* Metamorphosis. N.Y.: Basic Books. 1959.
56. *Skinner B.F.* Science and human behavior. N.Y.: Macmillan. 1953.
57. *Stein B.E., Meredith M.A.* Multisensory integration // The development and neural bases of higher cognitive functions. N.Y.: Ann. N.Y. Acad. Sci. 1990. P. 51-65.
58. *Tinbergen N.* The study of instinct. Oxford: Clarendon Press. 1951.
59. *Watson J.B.* Psychological care of infant and child. N.Y.: W. Norton and Co. 1928.
60. *Werner H.* The concept of development from a comparative and organismic point of view // The concept of development. Minneapolis: Univ. Press. 1957.